

Pax
Britannica

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПАРТИИ АНГЛИИ**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Pax Britannica

Коллектив авторов

**Политические партии
Англии. Исторические очерки**

«Алетейя»

2017

УДК 329(410)
ББК 66.69(4Вел)

Коллектив авторов

Политические партии Англии. Исторические очерки / Коллектив авторов — «Алетейя», 2017 — (Рах Britannica)

ISBN 978-5-906910-30-1

Коллективная монография, посвященная юбилею известного ученого-англоведа, специалиста по ранней истории политических партий, культуре Просвещения, гендерным исследованиям, российско-британским отношениям XVI–XVIII вв., компаративистике, имагологии Татьяны Леонидовны Лабутиной объединила усилия ее друзей, коллег и единомышленников – российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Орла, Череповца, Ярославля, Владимира, Казани, Волгограда, Самары, Нижнего Новгорода, Нижневартовска. Тема издания – стратегия и тактика политических партий Англии в период с момента их образования в XVII в. до современности. В книге прослеживаются основные этапы партийного строительства, представлены исторические портреты известных партийных деятелей (Р. Пиль, М. Тэтчер). Особое внимание уделяется дискуссионным проблемам создания партий и их оформления в двухпартийную систему. Книга привлечет внимание историков, политологов, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей Великобритании.

УДК 329(410)
ББК 66.69(4Вел)

ISBN 978-5-906910-30-1

© Коллектив авторов, 2017

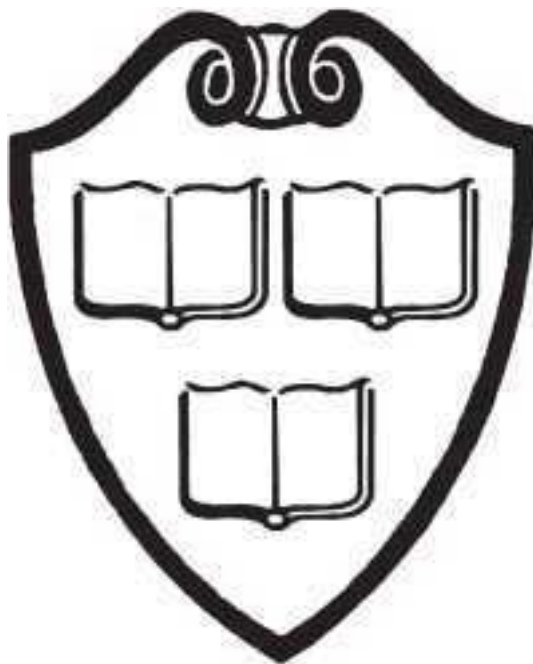
© Алтейя, 2017

Содержание

Введение	7
Поздравления юбиляру	9
Исследователь, педагог, личность. К юбилею Татьяны Леонидовны Лабутиной	9
Поздравления друзей и коллег	12
Политические партии Англии в XVII–XXI вв.	15
Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII-начале XIX вв.: историографический очерк	15
Проблема формирования английской двухпартийной системы в историографии	25
Индепенденты в середине XVII в.: доктрина и состав движения	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Политические партии Англии. Исторические очерки (Монография в честь Татьяны Леонидовны Лабутиной)

Рах
Britannica

Редколлегия серии «Рах Britannica»:

М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева, Т.Л. Лабутина, М.А. Липкин, Л. П. Решина, Л.П. Сергеева, А. Б. Соколов, С.Е. Федоров, А. А. Чамеев, И.Р. Чикалова

Ответственный редактор:

доктор исторических наук *М. П. Айзеништат*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. И. Минаев*

кандидат исторических наук *И. Ю. Новиченко*

Введение

Основой государственно-политической системы развитых стран являются парламентаризм, институт выборов и политические партии. Исторические условия становления каждого государства диктовали свои правила их развития. Классическим и наиболее интересным является именно британский опыт эволюции парламентаризма, поскольку он заложил основы современной демократии, а двухпартийная политическая модель стала прототипом партийных систем многих стран мира. Несмотря на то, что она появилась еще во второй половине XVII в., ее формирование до сих пор вызывает интерес исследователей, порождает дискуссии в зарубежной исторической науке. Так спорным представляется сам термин «партия» применительно к английским парламентским объединениям второй половины XVII в., получивших названия «тори» и «виги». В наши дни исследователи стремятся найти консенсус между позициями сторонников и противников идеи существования двухпартийной системы во второй половине XVII–XVIII вв.

В советской историографии история парламента и партийной борьбы в нем второй половины XVII в. почти не исследовалась. Большая часть работ по истории Англии была посвящена социально-экономическим процессам и классовой борьбе, в контексте которых рассматривались и политические реалии. Однако тори и виги упоминались на страницах исследований как «партии». Первой и, по сути, единственной до сих пор отечественной работой, в которой был исследован процесс формирования английских политических партий, стала монография доктора исторических наук, профессора Т. Л. Лабутиной «Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681 гг.)», опубликованная в издательстве «Наука» в 1982 г. Автор использовала новейший в то время метод массовых подсчетов при помощи ЭВМ, противопоставив его традиционному методу экземплификации. Несмотря на то, что данная монография посвящена преимущественно анализу идеологии и внутрипарламентской деятельности ранних партий, оставив почти нерассмотренными вопросы их структуры, внутренней организации и др., работа Т. Л. Лабутиной явилась первым крупным отечественным исследованием в этой области английской истории. Важно отметить, что до сих пор данная монография не теряет своей актуальности.

Учитывая значительный вклад Татьяны Леонидовны Лабутиной в изучение указанной проблемы, ее коллеги и друзья из академических институтов, а также российских вузов гг. Санкт-Петербурга, Рязани, Орла, Череповца, Ярославля, Владимира, Казани, Волгограда, Самары, Нижнего Новгорода, Нижневартонска объединили усилия в написании коллективной монографии о политических партиях Англии, посвященной юбилею известного ученого.

Разумеется, столь обширная и многоплановая тема, как формирование, развитие, деятельность политических партий Англии, а также их идеология на протяжении нескольких столетий, от XVII века до современности, не может быть раскрыта на материале нескольких статей в рамках одной, ограниченной в объеме книги. Их авторы скорее стремились подвести итог проведенным разработкам и привлечь внимание к проблемам, незаслуженно игнорируемым современной отечественной наукой. Поэтому свой труд историки представили в виде серии очерков, каждый из которых посвящен отдельному аспекту стратегии или тактики партий в определенный хронологический период их развития.

Монография открывается историографическими статьями д. и. н., профессора В. Н. Ерохина и к. и. и. А. А. Киселева. Авторы подробно анализируют состояние проблемы в зарубежной и российской исторической науке, выделяя наиболее сложные и дискуссионные ее аспекты. Среди них важными представляются время создания политических партий и их оформление в двухпартийную систему. Ученые обратились к трудам известных британских и американских специалистов (Л. Нэмир, Р. Уолкотт, Дж. Беннет, Д. Рубини, Дж. Пламб, Дж. Холмс, Дж. Кларк и др.), подчеркнув, что в зарубежной историографии до сих пор отсутствует единая концепция по данному вопросу. Неоднозначные оценки периода возникновения партий и их социальной сущности продолжают сохраняться также в отечественной науке (работы Т. Л. Лабутиной, А. А. Киселева, А. Б. Соколова). Актуальность исследования проблемы формирования ранних партий подтверждают и новейшие работы молодых отечественных историков (Д. В. Кутявин, К. Н. Станков, С. В. Буров).

История первых политических партий, заявивших о себе в период Английской революции середины XVII века, освещена в статьях профессора С. Е. Федорова, обратившегося к просопографическому анализу деятелей индипендентского движения, и профессора А. Б. Соколова, исследовавшего деятельность представителей роялистского крыла в революционных событиях. Участие ранних партий тори и вигов, родоначальниц будущих консерваторов и либералов, в период Реставрации и Славной революции 1688–1689 гг. осветила к. и. и. И. В. Кеткова.

События политической борьбы XVIII и XIX вв. представлены несколькими очерками. Идеология партии тори, находящейся в оппозиции к правительству Георга I Ганновера, проанализирована молодым ученым М. А. Ковалевым. Профессор С. Б. Семенов обратился к истории создания в Великобритании Национальной ассоциации в движении за парламентскую реформу. К. и. н. М. В. Жолудов изучил историю двухпартийной системы Великобритании в период принятия Акта о парламентской реформе 1832 г. Профессор Т. Н. Гелла осветила деятельность Либеральной партии в последней трети XIX века, остановившись на ее течениях, программах и лидерах. Своеобразным продолжением в изучении указанной проблемы стала статья к. и. н. Е. О. Науменковой, посвященная стратегии Либеральной партии в борьбе за билль о правах 1884 г.

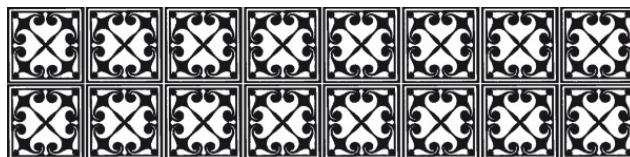
Статьи о деятельности партий в XX веке (профессора С. В. Демидова, профессора Е. Г. Блосфельд, к. и. н. А. Ю. Прокопова), бесспорно, вызовут интерес читателей новизной постановки проблем, а также привлечением оригинальных материалов. Особое место в монографии занимает очерк профессора Е. Ю. Сергеева, в которой анализируется восприятие политическими партиями и правительством Великобритании революционных событий 1917 г. в России. В статье к. и. н. Р. Р. Валеевой освещаются концепции политики консерваторов и лейбористов в отношении России на рубеже XX–XXI вв. Завершает раздел по новейшей истории партий очерк к. ф. и. Е. В. Ананьевой, в котором анализируется партийно-политическая система Великобритании на современном этапе.

Особое место в монографии занимают очерки о жизни и деятельности известных политических и государственных деятелей страны. Это работы д. и. н. М. П. Айзенштат о премьер-министре Роберте Пиле и профессора Б. В. Петелина о Маргарет Тэтчер. Приведенные в их работах исторические факты позволяют по-новому взглянуть на известные исторические личности и их роль в партийном строительстве.

Авторы полагают, что их совместный труд окажется полезным и будет востребован специалистами, преподавателями и студентами гуманитарных вузов. Они также выражают надежду, что проблематика, поднятая в нем, найдет свое достойное продолжение в новых исследованиях.

Поздравления юбиляру

Исследователь, педагог, личность. К юбилею Татьяны Леонидовны Лабутиной М. В. Кузьмина

Настоящее издание посвящается 70-летию выдающегося талантливому ученому и замечательному человеку – Татьяны Леонидовны Лабутиной. Известный ученый-историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Татьяна Леонидовна Лабутина является автором многочисленных публикаций, монографий и статей, посвященных различным аспектам истории Британии, в числе которых: политическая история страны, парламент и парламентаризм, зарождение британской партийной системы, Просвещение XVIII века, гендерные проблемы, имагология, проблемы компаративистики. Круг ее интересов в последние годы еще больше расширился: Татьяна Леонидовна начала плодотворно работать над проблемами, связанными с историей англо-русских и российско-британских отношений XVI–XVIII вв.

Окончив с отличием в 1968 г. исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, Татьяна Леонидовна поступила в очную аспирантуру Института всеобщей истории АН СССР. Ее научным руководителем стал известный ученый-медиевист профессор М. А. Барг. Михаил Абрамович был для Татьяны Леонидовны не только научным руководителем, но наставником и другом на протяжении многих лет. Под его руководством она написала и защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681 гг.)», которая в 1982 г. была издана в издательстве «Наука» в виде монографии. Этот труд до сего дня является единственным в отечественной историографии оригинальным научным исследованием эпохи Реставрации, формирования и деятельности ранних политических партий в Англии, что делает его незаменимым для специалистов, а также преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

По окончании учебы в аспирантуре Татьяна Леонидовна была зачислена в 1973 г. в штат Института всеобщей истории, где и продолжает трудиться до настоящего времени. Очень быстро она заявила о себе как целеустремленный, пылкий исследователь. Ее перу за годы непрерывной работы в Институте принадлежит значительное число оригинальных, отмеченных высоким профессионализмом и новаторским подходом трудов. Она издала 250 работ, в том числе 9 монографий: «У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994; Воспитание и образование англичанки в XVII веке». СПб., «Алетейя», 2001; «Культура и власть в эпоху Просвещения». М., «Наука», 2005; «Англичане в допетровской России», СПб., «Алетейя», 2011; «Английские просветители. Взгляды на воспитание и образование подрастающего поколения». Lap Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2011; «Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль» / в соавторстве с Д. В. Ильиным/; СПб., «Алетейя», 2012; «Британцы в Рос-

сии в XVIII веке». СПб., «Алетейя», 2013; «Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII – начало XVIII века». М., «Ломоносовъ», 2016.

Судя по рецензиям на перечисленные труды и их востребованности научным (по свидетельствам РИНЦа) и педагогическим сообществом, Татьяна Леонидовна сумела не только выявить и раскрыть неизученные прежде в мировой историографии темы, но и мастерски донести результаты своих исследований до самого широкого круга читателей. Ее книги, очерки и статьи, написанные живым и ярким языком, становятся популярными и востребованными не только историками. Высокая работоспособность, постоянный поиск, чувство ответственности – вот те качества, которые позволили Татьяне Леонидовне достигнуть значительных результатов в научно-исследовательской деятельности, а вместе с ними признания в отечественной исторической науке. Ее труды известны и за рубежом: в Великобритании, США, Франции, о чем свидетельствуют положительные отклики на них в научной периодике. Издание двух ее монографий осуществлялось при содействии Европейского университета и Британского Совета. После издания книги «У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.)» благодарственные письма автору прислали: королева Великобритании Елизавета II, принцесса Диана, а также сенатор США Хиллари Клинтон.

На протяжении многих лет Татьяна Леонидовна трудилась над проблематикой, связанной с историей английского Просвещения. Четыре монографии и около сотни статей, посвященные данной теме, сделали автора одним из самых видных специалистов по просветительскому движению в Англии в нашей стране. Она была принята в члены Международного общества по изучению XVIII века. С успехом выступала на международных форумах в Германии, Франции, Великобритании. Заметный вклад Татьяна Леонидовна внесла в изучение гендерной проблематики, посвятив две монографии и ряд статей воспитанию и образованию англичанок в XVII – начале XVIII вв. Ее исследования всегда отличаются актуальностью, хотя речь в них идет о сюжетах, относящихся к прошлым векам. Темы, связанные с созданием либеральной модели демократии, становлением двухпартийной системы, воспитанием и образованием подрастающего поколения, межкультурными коммуникациями Англии и России, вестернизацией политической элиты, ксенофобией и англomanией в нашей стране в предыдущие века – поднимались и раскрывались автором с привлечением солидного массива источников. Исследования автора всегда отличались оригинальностью, новизной постановки проблем, мастерски поданным материалом.

Талант Татьяны Леонидовны не ограничивается научным поприщем, хотя и этого было бы достаточно, чтобы говорить о весомом вкладе, который она внесла в отечественную историческую науку. Она очень много делает и как организатор науки. Именно во многом благодаря усилиям Татьяны Леонидовны ученые-англоведы России не теряют связи друг с другом. Являясь вице-президентом Ассоциации британских исследований в Институте всеобщей истории, Татьяна Леонидовна на протяжении многих лет координирует научные связи со специалистами-англоведами из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Владимира, Волгограда, Петрозаводска, Смоленска, Казани, Рязани, Ярославля, Саратова, Самары, Нижневартовска и других городов. Она активно участвует в организации и проведении ежегодных англоведческих конференций, кропотливо работая и как ответственный редактор тематических сборников статей, посвященных проблемам британской истории. Татьяна Леонидовна является постоянным членом редколлегии издания «*Rex Britannica*» издательства «Алетейя», а также институтских сборников «Проблемы исторического познания», «История Британии: современные исследования» и др. Немало сил она уделила авторской работе в коллективных трудах: «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории Т. 4. М., «Мысль», 1980; «Энциклопедия для детей. Всемирная история». Т. 1. М., 1993; «История Европы». Т. 4. М., «Наука», 1994; «Большая Российская Энциклопедия». Т. 3, 6, 7. М., 2005–2007.

Свою исследовательскую работу Татьяна Леонидовна с 1993 г. на протяжении 20 лет совмещала с преподавательской деятельностью. Она читала курсы лекций: «Новейшие проблемы в изучении всеобщей истории Нового времени»; «Всеобщая история государства и права»; «История политических и правовых учений»; «Новая и новейшая история стран Западной Европы и Америки»; «Страноведение Великобритании и США»; спецкурсы: «Английское Просвещение», «Британская культура во Франции и России в Век Просвещения», «Современная зарубежная историография Новой истории», «Новейшие методы в изучении истории (гендер, имагология, хронодискретный моногеографический анализ)», «Историография средневековой Европы. Источниковедение. Методология истории». Ее слушателями были студенты и аспиранты Московского педагогического государственного университета, Петрозаводского государственного университета, Владимирского государственного университета, Рязанского государственного университета, Ярославского государственного педагогического университета Новгородского государственного университета, Волгоградского государственного педагогического университета, Международного славянского университета, Социально-правового института экономической безопасности. Ее яркие лекции, судя по отзывам преподавателей и студентов, всегда отличались оригинальным подходом, актуальностью, вызвали неподдельный интерес аудитории. На протяжении ряда лет Татьяна Леонидовна осуществляла научное руководство аспирантами Владимирского государственного университета и Московского педагогического государственного университета. Она являлась членом Диссертационного совета истфака Владимирского государственного гуманитарного университета. Возглавляла работу Государственной аттестационной комиссии в университетах Петрозаводска и Ярославля. И на этом поприще всегда проявляла себя как высокопрофессиональный специалист и принципиальный человек. В 2011 г. Министерство образования и науки РФ присвоило Лабутиной Татьяне Леонидовне ученое звание профессора по кафедре новой и новейшей истории.

Многие коллеги из российских университетов не устают поражаться той активности, которую Татьяна Леонидовна проявляет не только в своей исследовательской работе, но также принимая участие в научных конференциях во многих городах России. Выступая с докладами на различных международных форумах, она зарекомендовала себя как зрелый и маститый ученый. Не случайно, подобная деятельность Татьяны Леонидовны была в 2013 г. отмечена Московским гуманитарным институтом им. Е. Р. Дашковой, который наградил ее медалью «За служение Свободе и Просвещению».

Нельзя не отметить присущих Татьяне Леонидовне таких качеств, как отзывчивость, открытость, искренность в общении, желание оказать поддержку в трудную минуту или просто дать совет молодым коллегам. В ней органично уживаются женское обаяние с принципиальностью и твердостью в принятии ответственных решений. Ее необычайное трудолюбие, самоотверженность, оптимизм, неиссякаемая любовь к своей профессии продолжают восхищать многочисленных друзей и коллег по цеху.

Татьяна Леонидовна Лабутина продолжает находиться в расцвете творческой деятельности. От лица коллег, друзей и учеников хотелось бы пожелать ей крепкого здоровья, вдохновения в работе, в поиске оригинальных тем исследования, которые непременно завершатся созданием новых фундаментальных трудов маститого ученого.

Поздравления друзей и коллег

Измаил Ибрагимович Шарифжанов – д. и. н., профессор Казанского государственного университета,

Бодров Олег Вячеславович – к. и. н., доцент Казанского государственного университета:

Дорогая Татьяна Леонидовна!

Вся научная общественность г. Казани поздравляет Вас с юбилейной знаменательной датой. Мы знаем Вас не только как выдающегося ученого-англоведа, но и как прекрасного, отзывчивого, доброжелательного человека и русскую красавицу. Ваши книги, посвященные разным периодам и эпохам британской истории и англо-русским отношениям являются настольными для студентов и преподавателей Казанского государственного университета. Это настоящие исторические шедевры! Мы желаем Вам крепкого здоровья, счастливого долголетия и много новых достижений!

Ида Владимировна Кеткова – к. и. н., доцент Нижегородского государственного университета:

Дорогая Татьяна Леонидовна!

Примите искренние поздравления! Ваш юбилей пришелся на такую чудную пору, когда лето на восходе, природа ликует и сразу становится понятным, как закладываются в человека те качества, которыми Вы обладаете: энергия и упорство, доброжелательность и легкость характера, одновременно – основательность и способность нести тяготы исследовательского, и не только, труда. С Вашим именем связано освоение многих проблем английской истории и культуры XVII и XVIII веков. Отечественная историография обязана Вам введением в круг практического использования фундаментальных для изучения данного периода источников. Отсюда и оригинальность научных наблюдений, позволивших опровергнуть отдельные стереотипы. Следуя принципам, представленным школой М. А. Барга, Вы оказались верной его ученицей в главном – в бережном отношении к источнику как необходимому условию успешного исследования. Эти принципы заложены и в работу с Вашими учениками. Вспоминаю первые наши встречи в тесном кабинете на улице Д. Ульянова. С тех прошло более 35 лет, жизнь изменилась до неузнаваемости, но я ощущаю Ваше прежнее расположение и «провокационную», в добром смысле, заинтересованность в моих делах. Спасибо. Здоровья Вам и Вашим близким! Новых планов и успеха в их исполнении!»

Владимир Николаевич Ерохин – д. и. н., профессор Нижневартковского государственного университета:

Дорогая Татьяна Леонидовна!

Примите мои поздравления с замечательным юбилеем! Будьте всегда такой же красивой и обаятельной, вдохновляющей на научные и все другие конструктивные свершения! Пусть в Вашей жизни будет много счастья, будут новые научные достижения, пусть Ваши родные и близкие, Ваши друзья всегда радуют Вас! Пусть юбилеев и других радостных событий в Вашей жизни будет очень много! Мы, Ваши коллеги, друзья очень любим Вас! С глубоким уважением,
искренне Ваш В. Ерохин

Андрей Борисович Соколов – д. и. н. профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета:

Дорогая Татьяна Леонидовна!

Полагая, что Вы прочитаете это письмо уже завтра, хочу от всей души поздравить Вас с юбилеем! Я искренне горжусь нашим сотрудничеством и очень надеюсь на то, что смогу скоро поздравить Вас не заочно, а в непосредственном общении. Желаю Вам, прежде всего, здоровья, настроения для продолжения научной деятельности и появления новых интересных монографий и статей, а также, конечно, благополучия Вашей семье.

Еще раз от души поздравляю и обнимаю Вас!

Андрей Соколов

Нелли Шаловна Каркозашвили – к. и. н., доцент Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова:

Дорогая и замечательная Татьяна Леонидовна, с юбилеем Вас!

От всего сердца желаю вам абсолютной гармонии и красоты во всем – в мыслях и свершениях, личных взаимоотношениях и творчестве, в душе и окружающем пространстве! Оставайтесь такой же неотразимой, жизнерадостной, полной сил и бодрости, какой мы все вас знаем и любим! С огромной признательностью и уважением,

ваша Неля Каркозашвили

Людмила Ивановна Ивонина – д. и. н., профессор Смоленского государственного университета,

Юрий Евгеньевич Ивонин – д. и. н., профессор Смоленского государственного университета:

Дорогая Татьяна Леонидовна!

Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, гармонии в личных отношениях, общении с друзьями и коллегами, непрерывной динамики жизни и творческих успехов!

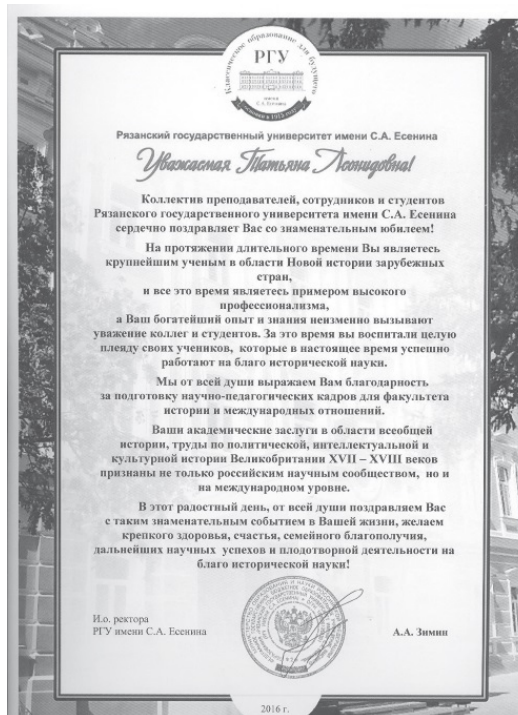
Людмила и Юрий Ивонины

Наталья Станиславовна Креленко – д. и. н., профессор Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского:

Дорогая Татьяна Леонидовна!

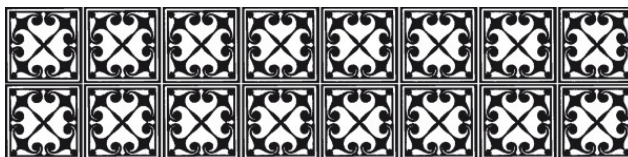
От всей души поздравляю Вас с днем рождения. Желаю Вам новых творческих успехов, а также всего того, что Вам пожелается. С большим-пребольшим уважением.

Наталья Креленко

Политические партии Англии в XVII–XXI вв.

Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII-начале XIX вв.: историографический очерк В. Н. Ерохин

Парламентская история и связанная с ней история политических партий составляют одну из важнейших тематических областей и проблем в изучении британской истории Нового времени. Британским вкладом в мировую историю стал не только первый пример создания парламентского выборного представительного учреждения, но и упорядоченный процесс политической борьбы в обществе в виде конкуренции между собой на выборах политических партий как организационно оформленных групп интересов.

В истории Великобритании политическая система в стране вышла на новый этап в своем развитии в результате событий Славной революции 1688–1689 гг.: был упорядочен в процедурном отношении созыв парламента как регулярно и постоянно действующего политического института, стали складываться условия для институционализации политических партий как постоянных организационных структур. Парламент стал превращаться в главную политическую трибуну страны, по сути дела, даже в важнейший центр принятия политических решений. Есть основания утверждать, что выход парламентской модели в Великобритании на новый этап ее развития способствовал еще более динамичному развитию общественного сознания и выявлению политических интересов различных социальных групп, обеспечил более активное взаимодействие власти с обществом в решении насущных политических и социальных проблем. В результате британским властям, по сравнению с ситуацией на европейском континенте в XVIII–XIX вв., удалось добиться гораздо большей политической стабильности в своем государстве. Правительственные кабинеты в Великобритании неоднократно находили выход из острых ситуаций, не давая возможности все-таки появившимся и в этой стране радикальным политическим группировкам перевести политические процессы в силовой формат их разрешения.

Вместе с тем, именно в британской политической культуре впервые в европейской и мировой истории прочно вошли в политическое сознание и стали постоянно обсуждаться вопросы, связанные с определением полномочий монарха, роли и значения парламентского представительства, путей и способах обеспечения политических прав и свобод, о месте политических партий в этих процессах. В британской политической культуре в повседневный политический обиход ранее, чем в какой-либо другой стране, вошли также вопросы организации парламентских выборов, борьбы политических деятелей в публичном политическом пространстве, интриг в правительственных кабинетах. В новое время в Великобритании шла отработка процедур парламентских споров и функционирования законодательных механизмов. Политическая борьба в обществе стала затрагивать гораздо более широкий круг людей по сравнению с тем, как политическая сфера жизни общества функционировала в средние века. Одним из следствий большей публичности политической жизни и борьбы в британском обществе стало

формирование общей британской политической идентичности в объединенном государстве, включавшем английский политический центр и кельтские окраины: в XVIII в. начался процесс осознания принадлежности к единому политическому сообществу все более широкого круга жителей Британских островов¹.

История понятия «партия» гораздо старше политических партий как организованных постоянно существующих политических структур, в том числе и в английском языке. Лексикологи находят свидетельства первоначального употребления слова «партия» еще в среднеанглийском языке XIV в. (слово *partie*, происходящее из англо-французского языка англо-нормандского периода, восходящее к заимствованному из латинского языка слову *pars* – часть). Большое внимание к политической и конституционной истории – одна из характерных черт британской историографии. В британской исторической науке широким признанием пользуется подход, согласно которому все важнейшее, определяющее в общественной жизни совершается в сфере политической жизни – следовательно, необходимо изучать в первую очередь политическую историю. В этом русле развивается также изучение истории политических партий. Британская историография политических партий в Англии периода Новой истории очень значительна, так что представляется возможным отметить в этом огромном массиве проделанной к настоящему времени работы лишь наиболее значимые источники и исследования. Из-за обширности темы наибольшее внимание в очерке будет уделено истории возникновения политических партий в Англии в Новое время.

Огромный массив материалов включают документальные и повествовательные источники. В Великобритании на архивном хранении в главном архиве страны, Государственном архиве Великобритании (Public Record Office), находятся материалы, относящиеся к деятельности всех государственных учреждений, министерств, к истории политических партий, личные архивы политических деятелей. Архивная система в Великобритании не централизована (местные архивные учреждения не находятся в отношениях соподчинения с центральным архивом страны), поэтому источники, имеющие значение для изучения общенациональной истории, могут находиться на хранении в местных архивных учреждениях².

Первоначальным ориентиром в изучении истории партий являются опубликованные источники. Важнейшие издания документальных источников включают материалы парламентских дебатов, данные об итогах парламентских выборов и целый ряд сборников документов, подготовленных коллективами составителей³. Повествовательные же, нарративные источники по истории партий, включающие воспоминания и дневники, переписку монархов, государственных должностных лиц и политиков, других современников событий, просто не поддаются

---

¹ Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. London, 1992; Grant A., Stringer K. J. (Ed.). Uniting the Kingdom? The Making of British History. London, 1995; Claydon T McBride I. (Eds.). Protestantism and National identity: Britain and Ireland, c. 1650–1850. Cambridge, 1998.

² British Archives. A Guide for Archive Resources in the United Kingdom. Ed. by Janet Foster and Julia Sheppard. 4th ed. Basingstoke: Palgrave Publishers Limited, 2002; Stephens W. B. Sources for English Local History. Chichester (Sussex), 1994.

³ Hansard's parliamentary debates. Ser. 1st. Vol. 1–41. London, 1804–1820; Ser. 2nd. Vol. 1–25. London, 1820–1830. Ser. 3rd. Vol. 1–356. London, 1831–1891; Ser. 4th. Vol. 1–185. London, 1892–1908; British parliamentary election results 1832–1885. London, 1977; British parliamentary election results 1885–1918 / Ed. by F. W. S. Craig. London, 1974; Documents of English History. 1688–1832 / Ed. by W. A. Barker. London, 1952; Documents on British Political History. Vol. 1–2 / Ed. by J. L. Wroughton. London, 1973; The Eighteenth-Century Constitution, 1688–1815. Documents and Commentary / Ed. by E. Neville Williams. Cambridge, 1960; English Historical Documents / Gen. ed. D. C. Douglas. Vol. 8–12. London, 1953–1977; Evans L., Pledger Ph. Contemporary Sources and Opinions in Modern British History. Vol. 1–2. London. – New York, 1967; Great Britain: The Lion at Home. A Documentary History of Domestic Policy 1689–1973 / Ed. by J. H. Wiener. Vol. 1–4. New York-London, 1974; Hanham H. J. The Nineteenth Century Constitution 1815–1914. Documents and Commentary. Cambridge, 1969; London Radicalism 1830–1843. A Selection from the Papers of Frances Place. London, 1970; Maccoby S. The English Radical Tradition 1763–1914. London, 1952; Political Parties in the Reigns of William III and Anne: the Evidence of Division Lists. By I. F. Burton, P. W. J. Rilly, E. Rowlands. London, 1968; Select Documents of English Constitutional History / Ed. by G. B. Adams and H. M. Stephens. New York, 1935; The Stuart Constitution, 1603–1714. Ed. by J. P. Kenyon. Cambridge, 1980; Williams E. N., Rowley P. B., Bagley J. J. A Documentary History of England. Vol. 2 (1559–1931). Baltimore, 1965.

краткому перечислению. Среди современных отечественных исследователей-англоведов большую работу по изучению политической истории Великобритании Нового времени и ранним политическим партиям проделали Т. Л. Лабутина и М. П. Айзенштат⁴.

Осмысление парламентской истории и истории формирования политических партий в Новое время стало происходить в Великобритании уже в среде современников. К настоящему времени продолжают оставаться познавательными работы ряда британских историков XIX – начала XX вв., которые подробно излагали фактическую сторону событий⁵.

В XX в. изучение истории развития политической системы в Великобритании стало разворачиваться в более широком социальном контексте под влиянием не только традиционных для британских историков установок политической истории, но и на основе методологических подходов социальной истории, что, вне всякого сомнения, представляется обоснованным. В результате экономического развития в Великобритании впервые в мировой истории стало складываться общество, в котором городское население по численности преобладало над сельским, а это влекло за собой необходимость решения в городах новых социальных проблем. На новый уровень выходили поддержание полицейского порядка, более эффективное администрирование в увеличившихся по численности населения городах, решение жилищной проблемы, вопросов здравоохранения и всех сопутствующих этой сфере проблем. Социальная сфера требовала политических методов регулирования и нахождения решений, что влекло за собой расширение традиционного понимания политической жизни общества, которая ранее сводилась к взаимоотношениям между короной, аристократией, дворянством, более состоятельной частью городского населения. Рост численности лиц, работающих по найму в сельском хозяйстве и, особенно, в промышленности, создавал в обществе атмосферу, чреватую социальными конфликтами, ростом классового сознания тех социальных групп, которые ранее находились вне политики.

Поддержание социальной стабильности требовало не только репрессивных действий властей, но и нахождения способов воздействия на массовое общественное сознание. Действие всех этих факторов тоже внесло свой вклад в возникновение и развитие политических партий в Англии: наступило время, когда для выполнения политико-пропагандистских функций требовались именно такие, более широкие по характеру деятельности организации, как политические партии. Свою роль в поддержании социального порядка в английских условиях продолжала играть также государственная по своему статусу англиканская церковь, да и другие религиозные деноминации: в Англии политические деятели и в XVIII, и в XIX веке не только не исключали из своего пропагандистского арсенала религиозно-моральную риторику, но и активно ее использовали.

В первые десятилетия XX в. в изучении истории политических партий, в соответствии с взглядами, которые сложились на основе трудов британских либеральных историков предшествующего столетия, считалось, что после Славной революции 1688–1689 гг. политическая жизнь в стране разворачивалась как состязание партий тори и виггов, которые вели свою родовую и идейное наследие со времени правления короля Карла II Стюарта (1660–1685).

---

⁴ Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1981; *Она же*. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994; Айзенштат М. П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007; *Она же*. Власть и общество в Великобритании 1750–1850 гг. М., 2009.

⁵ Cobbet's Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the Year 1803. London, 1806–1812. Vol. 1-12 (republished in 1966: New York-London: Johnson Reprint Company); Cox 77 History of the Reform Bills of 1866 and 1867. London, 1868; Hallam 77. Constitutional History of England from Henry VII to the Death of George II. London, 1827. V.1-3; Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James II. Vol. 1–5. London, 1842–1859; Political History of England. London, 1905–1907. Vol. 1-12; May T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third. 1760–1860. London, 1871; Murdoch J. A History of Constitutional Reform in Great Britain and Ireland with a Full Account of the Three Measures of 1832, 1867 and 1884. London, 1885; Маколей Т. Поли, собр. соч. СПб., 1860–1866. Т. 1–16.

В этом свете предстало и происхождение английской партийной системы, основу которой вплоть до начала XX в. составляло соперничество Либеральной и Консервативной партий. В дискурсе либеральной английской историографии история Великобритании нового времени представлялась как постепенное утверждение в стране экономических и политических свобод при определяющем влиянии идейных факторов: реализация в общественной жизни привлекательной для всех здравомыслящих людей идеи свободы преподносилась как двигатель британской истории. Материальные интересы тех общественных сил, которые стояли за различными группировками, политическими партиями, нельзя сказать, что совершенно замалчивались, но не попадали в фокус внимания.

Дальнейшее стимулирующее влияние на изучение партийной истории Англии XVIII в. оказали исследования Л. Б. Нэмира (1888–1960)⁶. С одной стороны, Нэмир подверг сомнению представление о преемственности в развитии истории партий в Англии с конца XVII в. Он стал отстаивать идею о различиях между первоначально сформировавшимися группировками тори и вигов, сложившимися в результате политической борьбы времени правлений Карла II Стюарта и Якова II Стюарта (1685–1688), и последующими политическими партиями тори и вигов, хотя группировки и партии носили те же самые названия. С другой стороны, Нэмир подверг сомнению традиционный либеральный тезис о том, что двигателем общественного развития и партийной борьбы в британской истории были высокие идейные мотивы и стимулы. Рассуждения Л. Нэмира в данном русле дошли до того, что само существование политических партий в английской политической жизни с конца XVII до конца XVIII вв. стало им оспариваться. В представлении Л. Нэмира, английская политическая жизнь представляла собой борьбу групп, сложившихся на основе родственных и личных связей, которые преследовали, в первую очередь, свои корыстные материальные по характеру цели, стремились добиться доходных должностей. К использованию же идеологических средств, политических лозунгов, в трактовке Л. Нэмира, английские политики подходили просто инструментально, легко меняли свои политические позиции и взгляды, если перемена политических пристрастий могла принести что-то значимое в материальном отношении.

Л. Нэмир показал, что политические деятели в Англии второй половины XVIII в. не рассматривали свое участие в политической жизни как следование продуманным политическим программам организованных партий, к которым они сознательно принадлежали. Политическая жизнь предстала как своекорыстная борьба амбициозных политиков, а не соревнование сознательных, рациональных, идейных по характеру программ и установок и представлявших эти идейные позиции политических деятелей.

Под этим углом зрения, когда, по сути дела, политическая жизнь во все времена видится как борьба за собственные корыстные интересы существующих в обществе группировок, трудно объяснить, почему в общественной жизни в движении от прошлого к будущему все-таки что-то меняется. Под влиянием работ Л. Нэмира было поставлено под сомнение существование политических партий в Англии как организованных структур даже в середине и второй половине XVIII в., не говоря уже о времени в ближайшие десятилетия после Славной революции. Был также дискредитирован тезис о том, что общественно-политические деятели, политические партии ведут борьбу между собой под влиянием идейных, идеалистических по характеру соображений. В результате начавшегося обсуждения исследований Л. Нэмира распространилось суждение, что следует рассуждать скорее лишь об английской политике конца XVII–XVIII вв., чем об истории партий.

Подход Л. Нэмира стал приобретать научное влияние. Американский историк Роберт Уолкотт (1910–1988), как и Л. Нэмир, использовал для изучения английской политической

---

⁶ *Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. London, 1929; Vol. 1–2. L., 1957; Idem. England in the Age of American Revolution. London, 1930.*

жизни конца XVII – первых десятилетий XVIII вв. просопографический метод (составление картотеки с выявлением родственных, личностных связей изучаемых персонажей). Р. Уолкотт писал о существовании своего рода системы сетевых связей в Англии и в английской политике первой половины XVIII в. В результате, в его трактовке, политическая жизнь в Англии не сводилась к противостоянию тори и вигов, а часто представляла собой борьбу между отдельными группировками, альянсами и их различными рекомбинациями, которые в то время, по его мнению, были важнее для английской политики, чем тори и виги. Р. Уолкотт насчитал семь таких влиятельных группировок в английской политике того времени. Выявленные группировки, как это виделось Р. Уолкотту, не являлись политическими партиями⁷. На основе установления родственных связей, содержания материалов переписки в соответствии с установками просопографического метода, Р. Уолкотт на весьма шаткой основе конструировал сети связей политического характера между государственными деятелями исследуемого им периода. Некоторые из сконструированных им группировок (Ньюкасл-Пелхэм-Уолпол), как стало известно историкам позднее, ни в каком виде вообще не могли существовать. К настоящему времени сложилось убеждение, что построения Р. Уолкотта полностью дискредитированы⁸. Британский историк Дж. В. Беннет назвал подход американского исследователя к этой проблеме просто «пагубным» (disastrous)⁹. В данном случае схематическое применение просопографического метода, хотя интересного и познавательно значимого, дало недостоверные результаты, видимо, из-за недостаточного понимания историком изучаемого периода.

Интерпретацию английской политической жизни конца XVII – начала XVIII вв. как «беспартийной» обосновывал впоследствии в конце 1960-х годов Д. Рубини¹⁰, предлагавший понимание периода 1688–1702 гг. как противостояния «Двора» и «Страны», а не партийных группировок тори и вигов. В эти же годы у известного американского историка П. Загорина (1920–2009) формировалась концепция понимания Английской революции середины XVII в. как конфликта «Двора» и «Страны». Как видно, эти идеи П. Загорина исследователи стали проецировать также на понимание ими английской политической жизни конца XVII – нач. XVIII вв.

Вызвавшее широкий резонанс эффективное использование просопографического метода Л. Нэмиром в изучении политической и партийной истории Англии, хотя и побуждало британских историков к переосмыслению английской политической жизни XVII–XVIII вв., вместе с тем, вызвало у многих из них стремление поставить под сомнение подобную дискредитацию английской политики. Сведение содержания английской политики только лишь к своекорыстной борьбе на основе личных мотивов все-таки было упрощением. Подход, противостоящий взглядам Л. Нэмира, и отстаивающий мнение, согласно которому уже после Славной революции в последующие десятилетия английская политическая жизнь выстраивалась как противостояние тори и вигов, пронизывавшее всю общественную жизнь, в скором времени все же стал пробивать себе путь в изучении данных проблем. Убедительные аргументы в подкрепление тезиса о существовании партийной борьбы в Англии в конце XVII – нач. XVIII вв., опирающиеся на материалы источников, были представлены, в частности, в работе У. А. Спекка на примере исследования электорального поведения англичан в начале XVIII в.¹¹ Внес вклад в полемику с взглядами Л. Нэмира также известный историк Дж. Пламб, отмечавший, что уже в

---

⁷ *Walcott R. English Party Politics, 1688–1714 // Essays in Modern English History in Honour of W. C. Abbot. Harvard, 1941. P. 81–131; Idem. English Politics in the Early Eighteenth Century. Cambridge (Mass.), 1956.*

⁸ *Harris I From Rage of Party to Age of Oligarchy? Rethinking the Later Stuart and Early Hanoverian Period // The Journal of Modern History. Vol. 64. № 4 (Dec. 1992). P. 700.*

⁹ *Bennett G. V. Review: British Politics in the Age of Anne // The English Historical Review. Vol. 84. № 331 (Apr. 1969). P. 358–359.*

¹⁰ *Rubini D. Court and Country, 1688–1702. London, 1967.*

¹¹ *Speck W. A. Tory and Whig: Struggle in the Constituencies, 1701–1715. London, 1970.*

течение полувека, с 1675 по 1725 г. в Англии «разделение на партии было реальным и создавало нестабильность в обществе или, вернее, было отражением этой общественной нестабильности»¹².

В 1960-е – начале 1980-х гг. британские историки проделали значительную работу, чтобы убедительно поколебать или даже опровергнуть точку зрения Л. Нэмира, согласно которой политическую борьбу в Англии в указанный период не следует считать борьбой политических партий. На основе детального изучения политических взглядов парламентариев и политической борьбы в Англии конца XVII – начала XVIII вв., оппоненты Л. Нэмира пришли к выводу о том, что наличие партий тори и вигов и их борьба вполне отчетливо прослеживаются со времени известного внутривнутриполитического конфликта 1679–1681 гг. (*Exclusion Crisis*). Конфликт развернулся в связи с требованиями исключения из престолонаследия принца Йорка, будущего короля Якова II Стюарта (1685–1688) в силу его католических религиозных симпатий¹³. Эти требования выдвигала как раз формировавшаяся группировка вигов. В тезисной форме позиция обосновывавшей такую трактовку группы историков была выражена, в частности, словами Дж. Холмса, который писал, что «общество, раскалываемое враждой между тори и вигами, вне сомнений, существовало в Англии после революции 1688 года»¹⁴.

Приверженность этой позиции, правда, влекла за собой новые вопросы, обсуждение которых развернулось в среде британских историков. Почему при такой остроте партийного противостояния между тори и вигами борьба этих групп может быть прослежена в заметной степени по сути дела только в парламенте, поскольку она не повлекла за собой какого-либо широкого социального конфликта в обществе в целом? Ведь несколькими десятилетиями ранее, в середине XVII в. развернувшаяся первоначально в парламенте борьба партий между королем Карлом I Стюартом (1625–1649) и оппозицией повлекла за собой масштабное противостояние, революционные по характеру события. Так что группировкам тори и вигов в конце XVII – начале XVIII вв., при всей остроте партийного противостояния, что-то не давало возможности перевести партийную борьбу во внепарламентские формы для того, чтобы нанести поражение оппонентам. К народным массам ни одна из группировок апеллировать даже не пытались. Между борющимися группами, видимо, существовал также консенсус по поводу того, к каким методам прибегать можно, а к каким не следует обращаться. Может быть, эти партийные группировки все-таки не сложились в такой степени, чтобы перейти к фронтальному противостоянию? Или сказывалось влияние исторического опыта (впечатления об относительно недавнем остром конфликте в Англии в середине XVII в.), или же на новый этап в своем развитии выходила политическая культура, в результате чего стал вырабатываться парламентский механизм разрешения политических споров?

Исследователи также обращали внимание на то, что примерно после 1715 г. острота конфликта тори и вигов явно пошла на убыль, и задавались вопросом, как такое могло произойти, если партийное противостояние было действительно острым, а потом вдруг буквально «завяло»? В связи с этим известная исследовательница Л. Колли отмечала, что применительно к началу XVIII в. можно говорить о том, что в среде английской политической элиты еще

---

¹² *Plumb J. H.* The Growth of Political Stability in England, 1675–1725. London, 1969. P. 159.

¹³ *Honvitz H.* Parties, Connections and Parliamentary Politics, 1689–1714: Review and Revision // *Journal of British Studies*. Vol. VI. 1966. P. 45–69; *Idem.* The Structure of Parliamentary Politics // *Britain after the Glorious Revolution, 1689–1714*. Ed. G. Holmes. London, 1969. P. 96–114; *Idem.* Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Manchester, 1977; *Burton I. F., Riley P. W. J., Rowlands E.* Political Parties in the Reigns of William III and Anne: the Evidence of Division Lists. *Bulletin of the Institute of Historical Research*. Special Supplement № 7. 1968; *Hill B. W.* The Growth of Parliamentary Parties, 1689–1742. London, 1976; *Holmes G.* The Achievement of Stability: The Social Context of Politics from the 1680s to the Age of Walpole // *The Whig Ascendancy*. Ed. J. Cannon. London, 1981.

¹⁴ *Holmes G.* The Achievement of Stability: The Social Context of Politics from the 1680s to the Age of Walpole // *The Whig Ascendancy*. Ed. J. Cannon. London, 1981. P. 3.

существовал «фундаментальный политический унисон», а в парламенте разворачивался «стилизованый политический конфликт, происходивший в рамках социального консенсуса»¹⁵.

Важный и значительный вклад в изучение формирования партий тори и вигов в конце XVII – нач. XVIII вв. внес Дж. Холмс (1928–1993) – крупный специалист в области политической и конституционной истории Великобритании¹⁶. На основе анализа результатов парламентских голосований он показал, что в парламентах в правление Анны Стюарт (1702–1714) из 1064 депутатов только 130 парламентских депутатов голосовали непоследовательно, в то время как среди остальных депутатов видна их постоянная приверженность к позициям тори, либо вигов. Эти две боровшиеся друг с другом большие группы депутатов, составлявшие практически 90 % от числа депутатов парламента, как считал Дж. Холмс, спланивались, в первую очередь, близостью политических взглядов, а не родственными или групповыми, клановыми по характеру связями. Депутаты парламента, отмечал Дж. Холмс, при этом, конечно же, боролись также и за выгодные доходные должности в аппарате государственного управления, но все же в целом вели борьбу на основе приверженности определенным политическим принципам.

Дж. Холмс также считал, что для периода 1694–1715 гг. можно говорить о высоком уровне обратной связи между депутатами парламента и избирателями. В эти годы парламентские выборы проводились со средней периодичностью один раз в полтора года, и депутаты при столь частых выборах были довольно внимательны к мнениям избирателей.

С другой стороны, исследователями применительно к этому времени выявлены: низкая явка избирателей на парламентских выборах, значительные колебания в отношении к кандидатам одной и той же политической ориентации в одном избирательном округе на следовавших одни за другими выборах. Такие факты уже могут быть истолкованы как свидетельства слабой осознанности или даже индифферентности в защите избирателями своих интересов¹⁷.

Вместе с тем, историки находят свидетельства того, что поведение избирателей в эти годы вполне могло быть самостоятельным, несмотря на воздействие тех или иных влиятельных людей, пытавшихся патронировать ход выборов¹⁸. Видны также признаки того, что в 1694–1715 гг. королевской власти слабо удавалось воздействовать на ход парламентских выборов. В 1698 г. приближенные короля Вильгельма III Оранского (1689–1702) признавались ему, что утратили контроль над парламентской избирательной кампанией. В 1716 г. накануне парламентских выборов власти готовили принятие Семилетнего Акта (об установлении полномочий избранных депутатов парламента сроком на 7 лет, в чем виделся, в частности, способ уменьшить расходы на проведение выборов), принятого в итоге парламентом в мае того же года. Королевские служащие накануне выборов, как установлено, не брались заранее делать выводы о том, что из этого выйдет. Поведение электората они считали недостаточно предсказуемым.

Далее же, после победы вигов на парламентских выборах 1716 г., как оказалось, 7-летний срок полномочий избранного парламента пошел на пользу победившей партии. Виги провели работу по укреплению своего влияния на избирателей, особенно в небольших избирательных округах. К 1722 г., как отмечают исследователи, английским политикам того времени стало понятно, что организаторы выборов могут вернуть себе способность воздействовать на голоса избирателей. После этого на парламентских выборах резко пошло на убыль количество

---

¹⁵ Colley L. In *Defiance of Oligarchy: The Tory Party, 1714–1760*. Cambridge, 1982. P. 12.

¹⁶ *The Divided Society: Parties and Politics in England, 1694–1716*. Ed. G. Holmes and W. A. Speck. London, 1967; *Britain in the First Age of Party 1680–1750. Essays Presented to Geoffrey Holmes*. Ed. by C. Jones. London-Ronceverte (USA), 1987; *Holmes G. British Politics in the Age of Anne*. London, 1987.

¹⁷ *Clark J. C. D. English Society, 1688–1832*. Cambridge, 1985. P. 17–20; *Phillips J. A. Electoral Behaviour in Unreformed England: Plumpers, Splitters and Straights*. Princeton, 1982. P. 95–96.

¹⁸ *Triffitt J. Politics and the Urban Community: Parliamentary Boroughs in the South West of England, 1710–1730*. Oxford University D. Phil., 1985.

случаев, когда происходила острая борьба между кандидатами в избирательных округах¹⁹. На несколько десятилетий, вплоть до 1760-х гг., сложилась ситуация, когда стало видно, что политическая и партийная борьба в английском обществе могут активизироваться только в том случае, когда у большинства людей возникают проблемы материального характера, и слишком многих начинает волновать, «будет ли у них масло, чтобы намазать его на хлеб». Добившись решающего влияния в парламенте, виги резко снизили накал публичной политической и социальной критики существовавших порядков. Заметно изменился и стал гораздо более умеренным характер политической деятельности вигов. Известно, что в вигской среде еще с 1680-х гг. выдвигались радикальные по характеру политические идеи: о предоставлении политических прав всему мужскому населению или, хотя бы, всем собственникам, о введении тайного голосования, о перераспределении количества избираемых депутатов в избирательных округах в соответствии с численностью избирателей. Но после того, как виги укрепили свое политическое влияние в результате принятия Семилетнего Акта 1716 г., их стремление к борьбе за дальнейшее развитие политических свобод резко пошло на убыль.

Между тем, носители радикальных идей в английском обществе не перевелись: в 1720-1750-е гг. они учились использовать для пропаганды своих идей печатные органы, существовавшие в стране, тренировались в способности создавать группы поддержки своих кандидатов в избирательных округах, апеллировали к формируемому среднему классу, к горожанам, заявляя о необходимости борьбы против засилья олигархии, при необходимости могли собрать массовую демонстрацию. В такой социальной среде обострение общественных проблем, появление способного харизматического лидера могло опять придать политической жизни в Англии более радикальный характер. На этом фоне становится понятнее, как мог появиться и стать влиятельным деятелем предводитель английских радикалов Дж. Уилкс (1725–1797)²⁰.

Окончательное подведение итогов в полемике между подходами Л. Нэмира и его оппонентами в понимании характера английской политики конца XVII–XVIII вв., несмотря на убедительную критику нэмирианской позиции, еще не произошло. Тем не менее, показательное высказывание по этому поводу известного специалиста в изучении политической истории данного периода Дж. Кениона. По его словам, работа Дж. Холмса «Британская политика в век Анны» по уровню обоснованности выводов не уступает позиции Л. Б. Нэмира и вместе с тем принадлежит к числу тех редко встречающихся исторических трудов, которые, будучи научно-историческим исследованием, одновременно являются произведением литературы и искусства²¹.

Современные британские историки рассматривают развитие политической и партийной системы в Великобритании в контексте формирования в течение XVIII в. единого британского государства, которое гораздо теснее, чем прежде, связало английский политический центр с кельтскими окраинами. Государственная власть и английская политическая элита в ходе формирования единого государства неоднократно проявляли способность сформулировать привлекательную для жителей государства политическую программу и комплекс практических мер, которые создали объединенную британскую монархию. Ко времени восшествия на престол королевы Виктории (1837–1901) Великобритания представляла собой действительно единое государство. В течение XVIII века, как отмечают исследователи, также развился язык британства (*language of Britishness*) – лексика, символы, система образов, которые несли в себе интегративный потенциал для укрепления государственного единства. И хотя взгляд на Бри-

---

¹⁹ Britain in the First Age of Party 1680–1750. Essays Presented to Geoffrey Holmes. Ed. by C. Jones. London-Ronceverte (USA), 1987. P. 7.

²⁰ Holmes G. The Achievement of Stability: The Social Context of Politics from the 1680s to the Age of Walpole // The Whig Ascendancy. Ed. J. Cannon. London, 1981. P. 6–7.

²¹ Holmes G. British Politics in the Age of Anne. London, 1987.

танию как на единое политическое сообщество в эти годы не был абсолютно общепризнанным и бесспорным, тем не менее Соединенное Королевство в XVIII–XIX вв. успешно развивалось как единое государство²².

Традиционно в качестве фактора, способствующего созданию единого государства в Новое время, рассматривают общность экономической жизни, экономических интересов. Влияние экономического фактора заметно проявилось также при формировании Соединенного Королевства. К этому добавлялось очень существенное воздействие внешней политики. Британский историк А. Бриггс утверждал, что для Великобритании путь в XIX в. проходил не только через промышленную революцию, создание хлопкопрядильных фабрик и металлургической индустрии, но в буквальном смысле также и через борьбу с Францией, порой переходившей в прямые военные столкновения. Но по сей день этот аспект в понимании становления модернизированного индустриального общества в Великобритании остается в должной мере не осмысленным. Историки пишут об этом гораздо меньше, чем о промышленной революции²³.

В изучении политической, конституционной, партийной истории Великобритании в XX в. британскими историками были реализованы значительные коллективные проекты. Важна для изучения истории партий в Великобритании работа, проделанная коллективом авторов «Кембриджской истории нового времени», в которой обобщенно изложены результаты исследовательской деятельности многих историков. В этом издании представлена связанная характеристика развития Великобритании в Новое время, учитывающая все важнейшие достижения и выводы британской исторической науки в понимании этого периода. Изучение истории политических партий в Англии конца XVII–XIX вв. и проблем в разработке этой темы представлено в VI–XII томах издания²⁴.

В начале 2000-х годов опубликован ряд интересных, новаторских по характеру и ревизионистским по многим позициям работ²⁵. Автором одной из них стал Дж. Кларк (р. 1951), впервые привлечший внимание исследователей объемной монографией об английской партийной системе середины XVIII в.²⁶ Дж. Кларк вступил в полемику и с либеральной, и с марксистской трактовками британской истории конца XVII–XVIII вв. В качестве предшественницы предлагаемых им трактовок Дж. Кларк упоминал работу британской исследовательницы Бетти Кемп (1916–2007)²⁷. Кларк стал предлагать использовать применительно к периоду 1660–1832 гг. понятие «долгий восемнадцатый век», подчеркивая связность и преемственность в развитии британского общества в данных хронологических рамках. Этот подход получил признание в научно-академической среде. Согласно взгляду историка, 1660–1832 гг. явились периодом господства в обществе аристократии в альянсе с духовенством англиканской церкви: на местном уровне в политических делах и в управлении доминировала аристократически-дворянская олигархия. Для политического настроения народа в этот период, по его мнению, было харак-

²² Colley L. Britons. Forging the Nation 1707–1837. London, 2003. P. XI.

²³ Briggs A. The Age of Improvement 1783–1867. London, 1979. P. 129; Colley L. Britons. Forging the Nation 1707–1837. London, 2003. P. 385.

²⁴ The New Cambridge Modern History. Vol. VI. The Rise of Great Britain and Russia 1688–1715/1725. Ed. J. S. Bromley. Cambridge University Press, 1971. Vol. VII. The Old Regime 1713–1763. Ed. J. O. Lindsay. Cambridge University Press, 1966. Vol. VIII. The American and French Revolutions 1763–1793. Ed. A. Goodwin. Cambridge University Press, 1976. Vol. IX. War and Peace in the Age of Upheaval 1793–1830. Ed. C. W. Crawley. Cambridge University Press, 1975. Vol. X. The Zenith of European Power 1830–1870. Ed. J. P. T. Bury. Cambridge University Press, 1960. Vol. XI. Material Progress and World-Wide Problems 1870–1898. Ed. F. H. Hinsley. Cambridge University Press, 1976. Vol. XII. The Shifting Balance of World Forces 1898–1945. Ed. C. L. Mowat. Cambridge University Press, 1968.

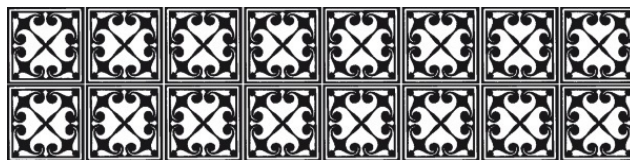
²⁵ Clark J. C. D. English Society 1688–1832. Religion, Ideology and Politics during the Ancien Regime. Cambridge, 2000; Hilton B. Bad, Mad and Dangerous People? England 1783–1846. Oxford University Press, 2006; Hoppit J. A Land of Liberty? England 1689–1727. Oxford, 2000.

²⁶ Clark J. C. D. The Dynamics of Change. The Crisis of 1750s and English Party Systems. Cambridge University Press, 1982.

²⁷ Kemp B. King and Commons 1660–1832. London, 1957; second edition 1984.

терно безусловное признание монархии и англиканской церкви как символов национального единства. Происхождение же оппозиционных политических сил, которые уже заявили о себе в 1660–1832 гг., Дж. Кларк связывал с влиянием религиозных диссентеров, не удовлетворенных официальной англиканской церковью, и от требований больших религиозных свобод переходивших к политической борьбе. «Длинный восемнадцатый век» в британской истории Дж. Кларк призывает не рассматривать в свете либерального по характеру девятнадцатого века. Даже при рассмотрении причин Войны за независимость североамериканских колоний в 1775–1783 гг. Дж. Кларк обнаруживает и подчеркивает влияние религиозного фактора в противостоянии между англиканской епископальной церковью и североамериканским пуританским нонконформизмом, так что войну между Великобританией и ее североамериканскими колониями британский историк расценивает как «религиозную войну». В своих исследованиях Дж. Кларк часто обращается к полемике с работами известных британских марксистско-ориентированных историков Кристофера Хилла (1912–2003), Эрика Хобсбаума (1917–2012), Эдварда Палмера Томпсона (1924–1993). Ревизионисты в британской историографии распространили свою деятельность и на период XVIII–XIX вв., в целом оказав, хотя и не беспорное по идейному содержанию и научным результатам, но стимулирующее влияние на изучение данного периода в истории Великобритании.

Проблема формирования английской двухпартийной системы в историографии Киселев А. А

Среди основных элементов любой современной демократической системы безусловными являются парламентаризм, институт выборов и политические партии. Исторические условия развития каждого демократического государства диктовали свои правила развития этих институтов. Однако классическим и наиболее интересным считается именно британский опыт развития парламентаризма, поскольку он заложил основы современной демократии, а британская двухпартийная политическая модель стала прототипом партийных систем многих стран мира. Несмотря на то, что она появилась еще во второй половине XVII в., ее формирование до сих пор вызывает множество вопросов у исследователей.

Так спорным представляется сам термин «партия» применительно к английским парламентским объединениям второй половины XVII в., называвшим себя «тори» и «вигами». Англичане-участники и современники событий употребляли термин *«party»*. И русский князь Б. И. Куракин, приехавший в качестве посланника Петра I в Лондон в 1710 г., писал царю о «партии торриса, которая противна партии вика»²⁸. Однако, что понимали в эпоху Нового времени под словом «партия»?

Пожалуй, наиболее точное определение для партий той эпохи дал французский мыслитель и политический деятель Бенжамен Констан: «Партия есть общность лиц, публично исповедующих одну и ту же политическую доктрину» (1816 г.)²⁹. В этом смысле обе английские парламентские группировки можно называть «партиями». Но в остальном мнения исследователей расходятся.

Историки и политологи XIX – первой половины XX в., предметом исследования которых стали партии и политические движения, утверждали, что в XVII–XVIII вв. тори и виги никак не могли быть партиями. Так М. Я. Острогорский считал, что постоянные партийные организации возникли в Великобритании только после парламентской реформы 1832 г. Политические объединения, существовавшие до этого события, М. Я. Острогорский называл «клубами»³⁰. М. Вебер полагал, что до 1832 г. английские партии представляли собой только «свиту аристократии», поскольку состояли преимущественно из землевладельцев, которые сплачивались вокруг своего лидера, «вождя», и осуществляли патронаж над всем своим электоратом³¹.

В классических работах политологов второй половины XX в. также прослеживается мысль о том, что политические партии появились не в эпоху Раннего Нового времени, а позже.

Французский исследователь М. Дюверже настаивал, что «еще в 1850 г. ни одна страна мира (за исключением Соединенных Штатов) не знает политических партий в современном значении этого термина: мы обнаруживаем течения общественного мнения, народные клубы,

²⁸ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2. – СПб., 1891. – С. 343.

²⁹ Дюверже М. Политические партии. – Изд. 4-е. – М., 2007. – С. 17.

³⁰ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. – М., 1997. – С. 80–85.

³¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Теория партий и партийных систем: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. – М., 2008. – С. 71.

философские общества, но отнюдь не партии в собственном смысле слова»³². Причиной этого М. Дюверже считал отсутствие организационной структуры в политических объединениях того времени. Партию, как полагал исследователь, характеризует наличие «аппарата», «машины», тогда как идеологическая составляющая вторична. «Партия есть общность на базе определенной специфической структуры, – утверждал М. Дюверже. – Современные партии характеризуются прежде всего их анатомией: протозавров предшествующих эпох сменил сложный дифференцированный организм партий XX века»³³.

Норвежский политолог С. Роккан, чьи работы заложили методологию электорального исследования, также полагал, что партийные системы появились только в конце XVIII – первой половине XIX в. По его мнению, партийная борьба основывалась на четырех конфликтах («расколах», «размежеваниях»): центра и периферии, государства и церкви, сельского хозяйства и промышленности, собственников и рабочих. Все эти конфликты появились в результате двух крупнейших событий в Европе Нового времени – Великой Французской революции 1789–1799 гг. и промышленных революций второй половины XVIII – первой половины XIX вв.³⁴ Поскольку политическая борьба в английском парламенте второй половины XVII в. не была основана ни на одном из этих конфликтов, то и считать участников этой борьбы партиями нельзя.

Этой же тенденции следуют и представители современной политологии, утверждая, что до середины XIX в. партии «представляли собой объединения знати, различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой общения единомышленников»³⁵.

Однако если среди политологов не было сомнений в оценке английских парламентских группировок XVII в., то у историков эта тема превратилась в острую дискуссию.

До XX столетия в Великобритании ни один исследователь не подвергал сомнению тезис о том, что тори и виги в период формирования парламентаризма были «партиями». Именно этот термин употребляли английские просветители XVIII в. Г. Болингброк, Д. Дефо, Дж. Свифт, Ф. Честерфилд, Д. Юм³⁶.

В 1733 г. торийский лидер Г. Болингброк опубликовал одно из первых исследований британской партийной системы – «Рассуждение о партиях». Он выделял две политические партии в стране, но сетовал, что «значительные расхождения в принципах, на которых они основывались» исчезли вместе с эпохой Стюартов, а деление на «вигов и тори», «конституционалистов и антиконституционалистов», «партию Двора и партию Страны» в первой четверти XVIII в. – «номинально», «нелепо и смехотворно»³⁷.

Другой интересный политический анализ партийной системы принадлежит Д. Юму. Просветитель выступил с идеей своеобразного «психологического» подхода, согласно которому британцы делились на сторонников свободы и сторонников порядка и традиций. Первые выступали в поддержку религиозных сект (диссентеров), вторые – за сохранение англиканства в качестве доминирующей веры. Следовательно, первые стали вигами, вторые – тори. В качестве главного критерия, по которому парламентские группировки делились на партии, Д. Юм

---

³² Дюверже М. Указ. соч. – С. 21.

³³ Там же. – С. 18.

³⁴ Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Теория партий и партийных систем: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. – М., 2008. – С. 250–254.

³⁵ Соловьев А. И. Основные этапы партогенеза // Там же. – С. 139–140.

³⁶ Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. – СПб., 2012.

³⁷ Болингброк Г. Рассуждение о партиях // Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Под ред. М. А. Барга. – М., 1978. – С. 165, 196.

выделял «принципы, которые составляют саму природу нашей конституции»³⁸. Таким образом, просветитель определял идеологию как основу партийного разделения. Однако Д. Юм писал, что «определить сегодня природу этих партий – одна из труднейших задач, с которой только можно столкнуться», поскольку «проживая в стране, где высочайший уровень свободы, каждый может открыто высказывать свое мнение, а значит можно утверждать, что главные принципы, из-за которых партии делились (борьба за свободу слова, собраний, печати и т. и. – А. К.), утеряны»³⁹.

В XIX веке историки единогласно писали о тори и виггах как о политических партиях. Представители «вигской» либеральной историографии (Дж. Лингард, Т. Б. Маколей, У. Лорд, У. Эбботт, С. Кент, К. Фейлинг, Дж. М. Тревельян) выдвинули тезис, согласно которому парламентская борьба Либеральной и Консервативной партий XIX в. имела самую прямую связь с противостоянием их предшественниц – партий виггов и тори⁴⁰. Однако столетие спустя американский исследователь Р. Уолкотт обвинил «вигских» историков в «осовременивании» истории. «Концентрация на идее противостояния либералов и консерваторов и более ранней борьбы виггов и тори привела к игнорированию других прежних дифференциаций, которые были характерны для стиля XVII–XVIII вв.: борьбы правительства против оппозиции или Двора против Страны», – писал Р. Уолкотт⁴¹.

Несмотря на сложившееся в либеральной историографии мнение о виггах и тори как партиях, Т. Б. Маколей все же указывал на их сложную структуру в конце XVII в.: «Отношения парламентских партий... были очень запутанные. В каждой палате они делились и подразделялись несколькими пересекавшимися линиями. Не говоря о второстепенных подразделениях, была линия, делившая вигскую партию от торийской, и была другая линия, делившая должностных людей с их друзьями и клиентами, – их называли иногда придворной партией, – от людей, которых называли в насмешку «роптателями», *Grumbletonians*, а в похвалу – национальной партией, *Country Party*. Эти две главные линии пересекались: из должностных лиц и их приверженцев половина были вигги, другая половина – тории»⁴². Таким образом, Т. Б. Маколей указывал на то, что в парламенте конца XVII – начала XVIII вв. присутствовало скорее четыре партии, а не две.

Еще одно классическое представление – о социальной структуре английских политических партий – сложилось именно в XIX веке. В начале XVIII в. деятели английского Просвещения указывали, что тори и вигги представляли собой группы «земельных» и «денежных» интересов. Полвека спустя Д. Юм называл такое деление «неудачным», поскольку «интересы этих партий на самом деле не были ярко выражены»⁴³. Однако именно историки викторианской эпохи вернулись к классовому делению парламентских группировок. Так Дж. М. Тревельян писал: «Тори... были той частью общества, которая самым искренним образом отстаивала сохранение аграрной Англии. Виги... большей частью являлись представителями землевладельческого класса, тесно связанного с коммерсантами и с их коммерческими интересами. Поэтому политика виггов, а не политика тори должна была выиграть в отдаленном буду-

³⁸ Hume D. Of the Parties of Great Britain // Hume, D. Essays. – L., 1923. – P. 90.

³⁹ Ibid. P. 97.

⁴⁰ Lingard J. History of England. Vol. XII. – L., 1839; Lord, W. F. Development of the Political Parties during the Reign of Queen Anne // TRHS. Vol. XIV. (1900); Abbott W. C. Origin of English Political Parties // AHR. Vol. XXIV. (1919); Kent C. B. R. Early History of the Tories, 1660–1702. – L., 1908; Feiling K. History of the Tory Party, 1640–1714. – Oxford, 1924; Вышинский Г. Лорд Маколей, его жизнь и сочинения. – СПб., 1860; Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. – Смоленск, 2002.

⁴¹ Walcott R. The Idea of Party in the Writing of Later Stuart History // The Journal of British Studies, 1962.—Vol. 1. —№ 2. —P.57.

⁴² Маколей Т. Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II // Маколей Т. Б. Полное собрание сочинений. Т. XI. – СПб., 1864. – С. 169.

⁴³ Hume D. Op. cit. – P. 97.

щем, благодаря непрерывному процессу экономических изменений, которые вели с неизменно ускоряющимся темпом к аграрному и промышленному перевороту, оставившему лишь очень немного от того, чем характеризовались старые пути развития страны»⁴⁴. Вместе с либеральными исследователями классовый подход к партийной истории Великобритании применили К. Маркс и Ф. Энгельс, чьи работы впоследствии оказали значительное влияние на историографию XX столетия⁴⁵.

Своеобразной революцией в историографии стало появление в 1929 г. монографии консервативного историка Л. Нэмира, посвященной британской политике эпохи Георга III. Исследователь обратил пристальное внимание не на идеологию партий, а на их социальный состав и структуру. Его выводы перевернули многие традиционные представления. Во-первых, Л. Нэмир утверждал, что «к 1760 г. не было надлежащих партийных организаций, хотя названия партий существовали»⁴⁶. Тори и виги являлись скорее парламентскими фракциями, управляемыми влиятельными политиками. Не было и партийных идеологий, потому что все английские политики руководствовались собственными корыстными интересами и верностью влиятельному «патрону», который их курировал. Партийная система была пронизана патронажем и коррупцией. Во-вторых, анализ социального состава тори и вигов привел Л. Нэмира к выводу, что обе «партии» преимущественно состояли из дворян-помещиков, отстаивающих в парламенте, как правило, интересы собственных «боро». Таким образом, по мнению Л. Нэмира «политическая жизнь эпохи (XVIII века – А. К.) может быть полностью описана без использования партийных обозначений»⁴⁷. Естественно, выводы Л. Нэмира вызвали бурную дискуссию в историографии, однако были признаны научным сообществом⁴⁸.

«Нэмировская революция» в англоязычной историографии оказалась настолько значительной, что до конца 1960-х гг. исследователи не использовали в своих работах термин «партия» в отношении политических группировок XVII – первой половины XVIII вв. Например, американский историк Д. Г. Барнс категорично заметил, что «о двухпартийной системе... девятнадцатого века даже не мечтали в 1689 г.»⁴⁹.

Самым известным последователем Л. Нэмира в 1940-1960-х гг. оказался американский историк Р. Уолкотт, который поставил под сомнение наличие в британской парламентской системе конца XVII – начала XVIII в. всего двух партий. По его мнению, партийное деление было более сложным и неустойчивым, поскольку главную роль в политической жизни страны играли семейные и личные связи. Так, анализируя парламентские выборы 1702 г., Р. Уолкотт выделил восемь группировок: правительственную, Мальборо-Годольфина, Ноттингэма-Финча, Хайда-Сеймура, Харли-Фоли, придворных пэров, Ньюкасла-Пэлхэма-Уолпола и вигскую Хунту. Исследователь доказывал, что в период парламентских сессий эти группировки объединялись в четыре, а не две фракции: «Тори Двора», «Тори Страны», «Виги Двора» и «Виги Страны». Р. Уолкотт утверждал, что политическая система Британии на раннем этапе была многопартийной, трансформировавшись в двухпартийную только в эпоху Георга III⁵⁰.

⁴⁴ *Тревельян Дж. М.* Указ. соч. – С. 227.

⁴⁵ *Маркс К.* Рецензия на книгу Гизо «Почему удалась английская революция?» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. – М., 1957; *Энгельс Ф.* Введение к англ. изданию «Развитие социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. – М., 1965.

⁴⁶ *Namier L.* The Structure of Politics at the Accession of George III. – Vol. 1. – L., 1929. – P. VII.

⁴⁷ *Ibid.* P. VII.

⁴⁸ *Price J. M.* Party, Purpose and Pattern: Sir Lewis Namier and His Critics // The Journal of British Studies. – 1961. – Vol. 1. – № 1; *Mansfield H. C.* Sir Lewis Namier Considered // The Journal of British Studies. – 1962. – Vol. 2. – № 1; *Walcott R.* «Sir Lewis Namier Considered» Considered // The Journal of British Studies. – 1964. – Vol. 3. – № 2; *Mansfield H. C.* Sir Lewis Namier Again Considered // The Journal of British Studies. – 1964. – Vol. 3. – № 2.

⁴⁹ *Barnes D. G.* George III and William Pitt, 1783–1806: A New Interpretation Based upon a Study of Their Unpublished Correspondence. – Stanford, 1939. – P. 1.

⁵⁰ *Walcott R.* English Politics in the Early Eighteenth-Century. Cambridge, 1956; *Walcott R.* The Idea of Party in the Writing of

В 1960-70-х гг. позиция Л. Нэмира и Р. Уолкотта, была подвергнута критике новым поколением исследователей, а тори и виги XVII–XVIII вв. снова объявлены политическими партиями. Британский историк Дж. Пламб полагал, что к началу XVIII в. Англия «уже обладала стабильной и глубоко инерционной политической структурой», в то время как «партийное деление было реальностью и порождало нестабильность». Дж. Пламб считал период 1675–1725 гг. эпохой жесткого партийного противостояния и даже ввел термин «партийные бури» применительно к этому периоду. Историк был уверен, что борьба за голоса избирателей могла быть успешной только с помощью «партийных отношений, идей и организации»⁵¹.

Своеобразный вызов Р. Уолкотту бросил исследователь Дж. Холмс, написавший фундаментальную монографию о британской политике в эпоху правления королевы Анны (1702–1714 гг.). Дж. Холмс, в отличие от последователей Л. Нэмира, обратил внимание не на состав и структуру парламентских фракций, а на то, как депутаты голосовали по различным вопросам. Особое внимание он уделил общенациональным проблемам (религия, экономика, война и др.). В результате историку удалось доказать, что, несмотря на принадлежность депутатов к разным «семейным» фракциям (Хайдам, Ньюкаслам, Харли и др.), их политический выбор почти всегда диктовался принадлежностью либо к тори, либо к вигам. Это значило, что, во-первых, двухпартийное деление все-таки имело место, и, во-вторых, что противостояние тори и вигов являлось не борьбой кучки землевладельцев в парламенте, а настоящим соперничеством двух крупных политических сил в национальном масштабе⁵².

Работа Дж. Холмса была высоко оценена историками, получив множество положительных отзывов. Так британский исследователь У. Спек утверждал: «Теперь нет больше причин сомневаться, что политика этого периода была сформирована соперничеством двух партий – тори и вигов. Эти партии были разделены прежде всего различными взглядами на проблемы природы правительства, религиозного урегулирования и направлений внешней политики»⁵³. Ученики Дж. Холмса применили его метод ко всему периоду от Славной революции до середины XVIII столетия и подтвердили выводы о существовании двухпартийной системы⁵⁴.

Однако в 1980-х гг. новым событием в историографии стали труды британского исследователя Дж. Кларка, который исследовал партийную борьбу второй половины XVII–XVIII вв. с позиций «нового ревизионизма». Его выводы опять поставили под сомнение принадлежность тори и вигов к «партиям». «В Англии не существовало двухпартийной системы или партийной системы любого другого вида. Родословная английских партий фрагментирована и прерывиста... Миф о давнем существовании двухпартийной системы был ретроспективно изобретен политическими деятелями и публицистами, ищущими оправдание родословной, – писал Дж. Кларк. – Партия не была постоянным явлением, которое может быть определено политологом и затем описано историком. Английский опыт показывает постоянно прерывающуюся последовательность систем с двумя, тремя и даже четырьмя партиями, которые развиваются и влияют друг на друга»⁵⁵.

Идею Дж. Кларка поддержали и другие британские историки. Л. Колли, исследовавшая торийскую партию, полагала, что «несмотря на свою кажущуюся остроту, соперничество вигов и тори в правление Вильгельма III и королевы Анны... было розыгранным, часто безжалостно, конфликтом, который проходил в рамках общественного консенсуса – проявления доверия и

Later Stuart History // The Journal of British Studies. – 1962. – Vol. 1. – № 2. – P. 58, 61.

⁵¹ Plumb J. H. The Growth of Political Stability in England, 1675–1725. – L., 1969. – P. XVII–XVIII, 159.

⁵² Holmes G. British Politics in the Age of Anne. – L., 1967.

⁵³ Speck W. Tory and Whig, 1701–1715. – L., 1970. —P. 1.

⁵⁴ Hill B. W. The Growth of Parliamentary Parties, 1689–1742. – L., 1976; Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. – Manchester, 1977.

⁵⁵ Clark J. C. D. A General Theory of Party, Opposition and Government, 1688–1832 // The Historical Journal. – 1980. – Vol. 23. – № 2. – P. 295.

фундаментального политического унисона земельной элиты Англии»⁵⁶. Современный историк Дж. Блэк, рассуждая о вигах второй половины XVII в., писал что «эту партию следует считать скорее группой, связанной неформальными узами, амбициями и идеологией, а не партийной дисциплиной и централизованным управлением»⁵⁷.

В наши дни исследователи стремятся найти консенсус между позициями сторонников и противников идеи существования двухпартийной системы во второй половине XVII–XVIII вв.⁵⁸ Интерес к этой проблеме постепенно угас, оставив еще множество различных вопросов. Один из них – вопрос о времени происхождения английских политических партий.

Г. Болингброк полагал, что это был период накануне Славной революции⁵⁹. Д. Юм возводил истоки тори и вигов к «кавалерам» и «круглоголовым» эпохи Английской революции 1640–1660 гг.⁶⁰ Т. Б. Маколей утверждал, что партийное противостояние началось раньше: «Эта партия (виги – А. К.) возвысила свой голос еще против Елизаветы в великом вопросе о монополиях; эта партия в царствование Иакова I организовала самую первую парламентскую оппозицию, которая твердо стояла за права народа. Эта партия заставила Карла I отказаться от произвольной корабельной подати. Эта партия уничтожила Звездную Палату и Верховную Комиссию. Эта партия при Карле II вынудила Акт Habeas Corpus»⁶¹. Дж. М. Тревельян снова вернулся к представлениям о тори и вигах как наследниках «кавалеров» и «круглоголовых»⁶².

Интересное предположение выдвинул в начале XX в. британский историк У. С. Эбботт. Он полагал, что истоки борьбы были не столько политическими, сколько религиозными, и происходили из религиозной борьбы эпохи Тюдоров. Как утверждал историк, «в результате этих событий в церкви и государстве образовались три партии: консервативная католическая, умеренная англиканская и либеральная пуританская». Однако развиваясь в течение XVI–XVII вв., когда религиозные противоречия стали еще и политическими, эти группы сформировались в две партии, которые впоследствии и получили названия «тори» и «виги». Складывание двухпартийной системы У. С. Эбботт относил к 1660–1675 гг. «После 1675 г. принципы, методы, организация и даже персоналии английских политических партий мало изменятся (до XIX в. – А. К.)», заключал исследователь⁶³.

Концепция зарождения политических партий в эпоху Тюдоров была впоследствии поддержана целым рядом исследователей. Так британский историк К. Фейлинг заявил, что «происхождение тори, как и происхождение вигов, связано с религиозными разногласиями времен Елизаветы»⁶⁴. Эту же идею высказывал крупный исследователь тудоровской Англии Дж. Нил, утверждавший, что пуританское лобби в Палате Общин Елизаветы I было первой политической партией в английской истории⁶⁵. Спустя два десятка лет другой известный исследователь Л. Стоун утверждал, что происхождение политических партий относится к 1570–1580-м гг., когда церковь, созданная Елизаветой, была «наполнена двумя группами решительных людей, которые очень различались своими религиозными предпочтениями и убеждениями». Первые были выходцами из католических семинарий, создавших пост-реформационное католическое

⁵⁶ Colley L. In *Defiance of Oligarchy: The Tory Party, 1714–1760*. – Cambridge, 1982. – P. 12.

⁵⁷ Блэк Дж. История Британских островов. – СПб., 2008. – С. 228.

⁵⁸ Harris I *Restoration. Charles II and his kingdoms*. – L., 2005; Harris I *Revolution. The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720*. – L., 2006. См. также докторские диссертации: Tolley S. G. A. *The Whig oligarchy: representation and imagery, 1700–1733* – L., 2013; Duncan F. E. *The development of a Tory ideology and identity, 1760–1832*. – Stirling, 2015.

⁵⁹ Болингброк Г. Указ. соч. – С. 165.

⁶⁰ Hume D. *Op. cit.* – P. 90.

⁶¹ Вызинский Г. Указ. соч. – СПб., 1860. – С. 33.

⁶² Тревельян Дж. М. Указ. соч. – С. 227.

⁶³ Abbott W. C. *The Origin of English Political Parties // The American Historical Review*. – 1919. – Vol. 24. – № 4. – P. 584–585, 602.

⁶⁴ Feiling K. *History of the Tory Party, 1640–1714*. – Oxford, 1924. – P. 24.

⁶⁵ Neale J. E. *The Elizabethan House of Commons*. – L., 1949. – P. 105.

меньшинство в Англии. Другие были группой пуританских священников – как вернувшихся из ссылки жертв католической политики Марии Кровавой, так и молодых людей, чьими идеалами являлись пуританские мученики. Л. Стоун указывал, что «группы людей, собиравшихся вокруг пуританских проповедников в городских церквях в 1620-1630-х гг. были моделями партийных организаций, собиравшихся на идеологической основе»⁶⁶.

Впоследствии, однако, историки снова вернулись к «революционной» и «реставрационной» теориям происхождения партий. Одним из первых исследователей был Д. Андердаун, который утверждал, что, хотя «первые признаки появления партий могут быть замечены в электоральной активности пуритан в 1580-е гг.», но «у елизаветинских пуритан нельзя увидеть централизованного управления, которое является одной из составляющих любой партии». Историк считал, что партийная организация появляется в парламенте только в 1640-е гг.⁶⁷ Британский исследователь Т. О. Калхун, изучающий памфлеты XVII в., также полагает, что истоки двухпартийного противостояния лежат в событиях Английской революции⁶⁸.

Однако классической точкой зрения по-прежнему остается концепция происхождения двухпартийной системы в эпоху Реставрации Стюартов. К. Робертс полагал, что отсчет нужно вести с 1667 г., когда парламент смог объявить импичмент первому министру Кларендону. Именно тогда и проявились черты будущих политических партий. «Сеймур, Осборн и Говард в Палате Общин были более похожи на Фоксов и Уортонов XVIII столетия, чем на Пимов и Элиотов XVII в. Импичмент Кларендона обозначил рубеж начала борьбы за патронаж, который будет играть важную роль в британской политике после 1714 г.», – писал К. Робертс⁶⁹.

Однако большинство историков склоняется к событиям т. н. «исключительного кризиса», который, по их мнению, и положил начало английской двухпартийной системе. Ожесточенная политическая борьба 1678–1681 гг. вокруг билля «Об исключении» Якова II из числа наследников трона Англии, как полагают исследователи, и определила формирование в парламенте двух группировок, которые позже получили названия «тори» и «виги»⁷⁰.

В отечественной историографии вопрос о «партийной» принадлежности тори и вигов никогда не дискутировался. Еще М. М. Ковалевский характеризовал их как «парламентские партии», указывая, что различия между ними были «не столько в политической, сколько в общественной их программе». Периодом образования двухпартийной системы М. М. Ковалевский считал 1678 г.⁷¹ Н. И. Кареев также называл вигов и тори «парламентскими партиями», признавая периодом образования этих группировок эпоху Реставрации. Однако позиция Н. И. Кареева была ближе к британской либеральной историографии, чем у М. М. Ковалевского, поскольку он полагал, что партийная борьба 1660-1680-х гг. представляла собой «прежний антагонизм» 1640-1660-х гг.⁷²

В советской историографии партийная борьба в парламенте второй половины XVII в. почти не исследовалась. Большая часть работ по истории Англии была посвящена социально-экономическим процессам и классовой борьбе, в контексте которых рассматривались

⁶⁶ Stone L. The Causes of the English Revolution. – L., 1972. – R 82, 103.

⁶⁷ Underdown D. Party Management in the Recruiter Elections, 1645–1648 // The English Historical Review. – 1968. – Vol. 83. – № 327. – P. 235–236.

⁶⁸ Callhoun I O. Cowley's Verse Satire, 1642–1643, and the Beginnings of Party Politics // The Yearbook of English Studies. – 1991. – Vol. 21. – P. 206.

⁶⁹ Roberts C. The Impeachment of the Earl of Clarendon // Cambridge Historical Journal. – 1957. —Vol. 13.—№ 1. —P. 16.

⁷⁰ Jones J. R. The First Whigs. The Politics of the Exclusion Crisis, 1678–1683. – Oxford, 1961; Bulmer-Thomas I. The Growth of the British Party System. Vol. I. – 1., 1967; Coward B. The Stuart Age. A History of England. 1603–1714. – L., N. Y., 1980; A Companion to Stuart Britain. – L., 2002; Блэк, Дж. Указ. соч. – С. 228–229.

⁷¹ Ковалевский М. М. История Великобритании. – СПб., 1911.

⁷² Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. 2. – СПб., 1904. – С. 577.

и политические явления. Однако тори и виги упоминались на страницах исследований как «партии»⁷³.

Первой и, по сути, единственной до сих пор отечественной работой, в которой был исследован процесс формирования английских политических партий в эпоху Реставрации, стала монография Т. Л. Лабутиной. Автор использовала новейший в то время метод массовых подсчетов при помощи ЭВМ, противопоставив его традиционному методу экземплификации. Проанализировав выступления 180 партийных ораторов, Т. Л. Лабутина получила «представление об идеологии не только лидеров тори и вигов, но и в определенной мере о массовой идеологии самих партий». Исследовательница указывает, что «основные идеи буржуазной революции середины XVII в. («договорная» теория, теория «народного суверенитета») были значительным образом модифицированы в умеренно-конституционном (монархическом) или умеренно-республиканском духе, отвечавшем интересам имущих классов». Главный вывод, сделанный Т. Л. Лабутиной, заключался в том, что «борьба между тори и вигами была в первую очередь борьбой между «средним классом», т. е. буржуазией, и земельной аристократией»⁷⁴. Несмотря на то, что данная монография посвящена преимущественно анализу идеологии партий, оставив почти нерассмотренными вопросы их структуры и внутренней организации, методов внепарламентской борьбы и др., работа Т. Л. Лабутиной стала первым крупным отечественным исследованием в этой области английской истории. Важно отметить, что до сих пор данная монография не теряет своей актуальности.

В современной постсоветской историографии существуют различные мнения о формировании двухпартийной системы в Англии. Так, Т. Л. Лабутина полагает, что дискуссию о сущности партий и времени их возникновения можно завершить. «Новейшие исследования поставили точку в данном споре, дав утвердительный ответ, – пишет Т. Л. Лабутина. – Именно в этот исторический период (1660–1714 гг. – А. К.) происходило становление двухпартийной системы»⁷⁵. С ней не согласен А. Б. Соколов, который указывает на спорность данного утверждения, поскольку «оно было оспорено не только Л. Б. Нэмиром, но и рядом современных западных историков (Дж. Кларк и др.)»⁷⁶.

Актуальность исследования проблемы формирования ранних британских политических партий подтверждают и новейшие работы отечественных историков. Так, в кандидатской диссертации Д. В. Кутявина достаточно большое внимание уделяется идеологии торийской партии, однако практически не рассматриваются ее структура, связи и методы политической борьбы⁷⁷. В недавно опубликованной монографии К. Н. Станкова была поднята, но не раскрыта в полном объеме деятельность якобитов в рядах тори⁷⁸. До сих пор нет новейших исследований партийной системы в эпоху Реставрации Стюартов.

Однако следует отметить кандидатскую диссертацию С. В. Бурова, посвященную политической борьбе придворных группировок накануне Английской революции. Автор обращает внимание на тот факт, что двор Стюартов представлял собой сложную, неоднородную структуру, в которой переплетались интересы различных придворных фракций и велась серьезная политическая борьба. «Необходимо объединить административный, политический и культурный подходы к изучению двора», – делает вывод С. В. Буров⁷⁹.

---

⁷³ Татаршова К. Н. Очерки по истории Англии, 1640–1815. – М., 1958.

⁷⁴ Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов, 1660–1681. – М., 1982. – С. 94, 194, 196.

⁷⁵ Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. – М., 2005. – С. 28.

⁷⁶ Соколов А. Б. [Рец.], Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. // Вопросы истории. – 2006. – № 7. – С. 167.

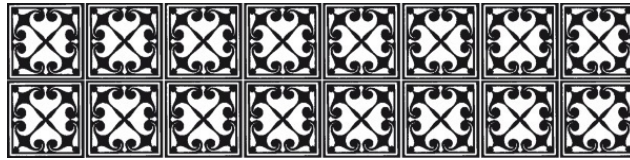
⁷⁷ Кутявин Д. В. Торийская партия в Англии конца XVII – начала XVIII вв. и министерство 1710–1714 гг. Дисс... к. и. и. – Самара, 2006.

⁷⁸ Станков К. Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов, 1685–1701. – СПб., 2014.

⁷⁹ Буров С. В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых – тридцатых годах XVII

Поскольку английские политические партии представляли собой на раннем этапе сложные полифракционные организации, тесно связанные с придворными группировками, можно сказать, что этот подход применим и для них. Важно исследовать не только идеологию, но и формирование структуры партий, методов их борьбы (как парламентских, так и внепарламентских), политических связей и интересов в XVII–XVIII столетиях. В этом и представляются основные задачи для дальнейших исследований.

Индепенденты в середине XVII в.: доктрина и состав движения С. Е. Федоров

Анализ принципов и понятий, определявших сознание и поведение индепендентов, связан с выявлением наиболее устойчивых, но при этом менее идеологизированных структур, при всей своей гетерогенности составлявших целостную систему индепендентских представлений об универсуме⁸⁰. При таком подходе индепендентская доктрина перестает казаться застывшим образованием, а многие из известных ее положений получают структурно-генетическое, а следовательно, адекватное обоснование. Высвечиваются методологически важные компоненты самой доктрины, совокупность которых в конечном счете обуславливает возможность анализа индепендентских представлений как стилистически и композиционно своеобразной системы видения мира. В свою очередь определение специфики организации этой системы открывает благоприятные перспективы для оценки самого индепендентства с точки зрения его вполне определенной социокультурной целостности⁸¹.

Индепендентская доктрина долгое время продолжала оставаться относительно слабо изученным явлением. Ситуация стала меняться во второй половине прошлого столетия, когда в историографии наметился интерес к социокультурной интерпретации самого движения. Обозначившееся преодоление традиционного взгляда на эволюцию его доктрины, сводящейся к постепенной (главным образом к 40-м гг. XVII в.) замене религиозных конструкций политическими, сопровождалось повышенным вниманием к работам У. Халлера, А. Вудхауса, содержащим ряд ценных наблюдений о соподчиненности конфессионально-правовых и собственно юридических компонентов индепендентского сознания⁸². В частности, особенно популярными были рассуждения этих авторов о религиозной терпимости и о влиянии ее концептуального осмысления на систему политических требований индепендентства⁸³.

По мере разворачивания соответствующих исследований неоспоримость существовавшей связи между религиозными и светскими взглядами индепендентов становилась все более явной, что, видимо, и побудило сначала Д. Юла, а затем Д. Андердауна сформулировать мысль, судьба которой на долгие годы определила направление поиска других специалистов. Речь идет о констатации, хотя и достаточно осторожной, прямой зависимости эволюции политических представлений индепендентства от роста их религиозного радикализма⁸⁴.

---

⁸⁰ Мы познакомились с Татьяной Леонидовной именно тогда, когда я, будучи аспирантом профессора Г. Р. Левина, работал над кандидатской диссертацией, посвященной индепендентству. К этому времени Татьяна Леонидовна (ученица М. А. Барга) уже выпустила книгу (*Лабутина Т. Л.* Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1600–1681. М., 1982), которая оказала на меня решающее влияние при постановке исследовательских задач в диссертации.

⁸¹ Более подробно об этом: *Федоров С. Е.* Индепендентство в период республики и протектората. СПб., 1993.

⁸² *Haller W.* Liberty and Reformation in the Puritan Revolution. New York, 1955; *Haller W.* The Rise of Puritanism. New York, 1938; *Woodhouse A.* Puritanism and Liberty. London, New York, 1938; *Woodhouse A.* Puritanism, Milton and Liberty// University of Toronto Quarterly. 1935. Vol.4.P. 1-18.

⁸³ *Haller W.* The Rise of Puritanism... P. 173–180, 364.

⁸⁴ *Yule G.* Independents in the English Civil War. Cambridge, 1958. P. 77–78; *Underdown D.* Prides Purge. Politics in the Puritan Revolution. Oxford, 1971. P. 10, 23.

Просопографические исследования по отдельным членам Долгого парламента выявили определенные недостатки наблюдений Юла и Андердауна, самым серьезным из которых было пренебрежение принципом подвижности религиозных мотивировок в деятельности парламентариев⁸⁵. Юл и Андердаун, а также их последователи были вынуждены искать новые и достаточно веские подкрепления для своих утверждений. Думается, что этот поиск и стал причиной продолжающегося и по сей день союза между этими историками и специалистами, занятыми изучением различных пластов народной культуры⁸⁶.

Дело в том, что Юл сам показал наличие достаточно мощных, основанных на механизме средневекового патронажа периферийных образований индипендентства, включавших вполне убедительные по масштабу народные элементы⁸⁷. Их воздействие не замыкалось только структурой движения, а распространялось и на идеологические конструкции индипендентства⁸⁸. Сравнительно неплохо изученный к тому времени «никодемизм» английской народной культуры давал вполне оправданные основания для исследования его соответствующих воздействий на индипендентское учение. Результаты поражали своей парадоксальностью: воздействие народной культуры на индипендентство подтверждалось материалами и елизаветинской поры, и тем более революционных десятилетий⁸⁹. Проблема заключалась лишь в доказательстве глубины этого влияния.

Исследовательски эта задача осложнялась тем, что систематическое изложение индипендентской доктрины ограничивается творчеством двух-трех авторов, среди которых лавры первенства принадлежат Джону Мильтону,⁹⁰ публицистическая деятельность которого охватывает практически весь спектр индипендентских исканий и совпадает с основными периодами эволюции самого движения.

Первыми наиболее значительными разработками влияния народной культуры на индипендентское учение был комплекс работ известного английского историка К. Хилла о Мильтоне, естественным образом отразивших в себе особенности интерпретируемого материала, а, следовательно, в виде соответствующей компенсации наделенных теоретическими рассуждениями. Логика исследований Хилла подсказывает, что автор склоняется к признанию вторичности указанных влияний на творчество Мильтона и, видимо, не признает их органичного для самого движения существования.

Наиболее общей посылкой в построениях Хилла является основанное на результатах исследований начала 1970-х гг. положение о существовании в Англии середины XVII в. «двух революций»: победоносной, приведшей к установлению священных прав собственности, освободившей пуританскую этику от традиционных наслоений, и не произошедшей, пытавшейся установить собственность народа, демократию, уничтожить государственную церковь, видоизменить пуританскую этику. Неудавшаяся революция, однако, содействовала дальнейшему развитию идей радикализма в английской культуре, она же обусловила двойственную природу национального конфликта середины XVII в., отразившуюся в противоречиях «аристократизма» и «пуританизма средних слоев», с одной стороны, радикализмом и тем же пуританизмом – с другой.

---

⁸⁵ Brunton D., Pennington D. *Members of the Long Parliament*. London, 1954; Keeler M. *The Long Parliament. 1640–1641. Biographical Study of its Members*. Philadelphia, 1954; Warden B. *The Rump Parliament. 1648–1653*. Cambridge, 1974.

⁸⁶ Hill Ch. *Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford, 1980; Hill Ch. *The World Turned Upside Down*. Harmondsworth, 2000; Morrill J. *The Revolt of the Provinces. Conservatives and Radicals in English Civil War. 1630–1650*. London, 1976.

⁸⁷ Yule G. *Independents..* P. 85–129; Yule G. *Independency and Revolutionaries// Journal of the British Studies*. 1968. Vol. VIII. P. 11–32.

⁸⁸ Hill Ch. *The World Turned..* P. 122–123.

⁸⁹ Hill Ch. *Change and Continuity in the XVIIth Century England*. Cambridge 1978. P. 18.

⁹⁰ Самарин Р. М. *Творчество Джона Мильтона*. М., 1964; Чамеев А. А. *Джон Мильтон и его поэма «Потерянный Рай»*. Л., 1986.

В небольших публикациях на страницах «Литературного приложения» к «Таймс» Хилл впервые попытался связать особенности мировоззрения Мильтона с природой двух конфликтов в английской революции, предпринял ряд закономерных обобщений, касающихся особенностей индипендентского сознания⁹¹. Его идея оказывалась достаточно простой: популярность многих идей народной культуры, усиливавшаяся под непосредственным воздействием радикальных религиозных сект, оказывала влияние на формирование отдельных положений мильтоновских трактатов, а через них – должно быть, на структуру индипендентского сознания. Позиция Хилла встретила возражения со стороны П. Хелма, М. Фикслера и М. Левиса, указавших на несколько упрощенное толкование взглядов Мильтона в свете учений радикальных сект середины XVII столетия⁹². Хилл остался непоколебим, выразив в специальной монографии о Мильтоне верность ранее сформулированным положениям, он позволил себе ряд небезынтесных дополнений и уточнений.

Как считает Хилл, одним из противоречий середины XVII столетия был конфликт двух культур, представлявших двор и страну. За ними (обычно невидимая исследователям) существовала третья, народная, еретическая культура. По мере развития революции она стала определять взгляды радикального (в том числе индипендентского) крыла парламентской оппозиции. Получив вследствие этого большую популярность, эта культура стала оказывать значительное влияние на индипендентских авторов, в том числе на творчество Мильтона, развивая в нем ранее существовавшие радикальные элементы. Под воздействием ее традиций окончательно сформировалась позиция поэта, вобравшая в себя составные части второй и третьей культур⁹³.

В то же время Хилл оговаривает, что воздействие радикальных народных учений ограничивалось формированием представлений о равенстве клириков и мирян, герменевтизме, мортализме, милленаризме, антитринитаризме и материализме (Хилл называет их основными конституирующими элементами третьей культуры): там, где дело касалось незыблемого права собственности, пускались в ход традиционные для пуританских мыслителей решения. В этом неразрывная связь Мильтона с традициями второй культуры, с основным спором ее представителей – «средних слоев» – с феодально-абсолютистским государством⁹⁴

---

⁹¹ The Times Literary Supplement. 29. 11. 1974.

⁹² The Times Literary Supplement. 13. 11. 1974; 10. 01. 1975; 31. 01. 1975.

⁹³ Hill Ch. Milton and English Revolution. London, 1977. R 19, 68–79.

⁹⁴ Hill Ch. Milton and English Revolution.. P. 250.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.